

КНИГИ ЗА НЕДЕЛЮ.

С. Д. Махалов. *Фантазия на трагедию «Гамлет» Шекспира.* Культурно-исторические очерки. Москва. 1900. Стр. 331. Ц. 1 р. 50 к.

Обширный, обстоятельный этюд г. Махалова о «Гамлете», примыкая к весьма обширной литературе об этом произведении, имеет задачей установить на характер его героя точку зрения, различающую от существующей. Г. Махалов рассматривает Гамлета, как натуру деятельную, а не человека слабой воли. В протесте «датского принца» против всего окружающего он видит именно неустанную борьбу и определяет характер Гамлета термином «деятельной совести». Это герой, стремящийся к истине и потибающий на пути к ней. Гамлет — дитяще гуманизма и реформации. В нем темперамент борца при уме созерцателя. Орудие его борьбы главным образом слово; но слово и проповедь деляют чудеса, и на мство побужденного бойца встают новые, увлеченные правдой его проповеди.

Съ этой точки зрения рассматривает автор этюда как различные эпизоды и лица трагедии, так и вопросы ее литературной истории.

«Гамлет» прежде всего, разумеется, великое изображение душевных движений и характеров. Но, всесторонне изследовав пьесу, ученые старались выяснить и вопрос о происхождении собственно ее фабулы. Первоисточником ее считается рассказ хроникера Сака Граматика и близкое к нему повествование в «Histoires tragiques» Де-Вельфора, автора, жившего в концѣ XVI в. Знакомство съ устной сельской поэзией открыло недавно связь этой фабулы съ народными преданиями. Мы можем указать нечто по этой части документальное и совсем мало известное. Это — старинная французская народная сказка, вполне совпадающая съ сюжетом «Гамлета». Напечатана она въ сборникѣ J. Fr. Bladé, Poésies et contes populaires de la Gascogne и показывает удивительную прозрачность Карлейля, который говорит (слова его приводит г. Махалов), что «Гамлет» Шекспира созданъ изъ глубоко-народнаго скандинавскаго мифа, превращеннаго старикомъ Саксомъ Граматикомъ, какъ онъ вообще имѣлъ обыкновеніе дѣлать, въ датскую историю. Вотъ отрывокъ изъ этой французской сказки:

«Мудрый и праведный король умеръ. Его похороны на другой день. Сынъ его роздалъ много серебра и золота на поминаніе о немъ нищимъ. По возвращеніи съ кладбища, онъ сказалъ слугамъ въ замкѣ:

— Слуги, постелите мнѣ постель въ комнатѣ моего бѣднаго отца.

— Король, ваша воля будетъ исполнена. Новый король заперъ въ комнатѣ своего бѣднаго отца. Онъ стаъ на колѣни и долго молился Богу. Послѣ этого, совсѣмъ одѣтый, онъ бросился на кровать и заснулъ. Поуночный бой часовъ разбудилъ его. Стоя передъ нимъ, на него молча смотрѣлъ призракъ.

Мертвецъ взялъ своего сына за руку и ночью повелъ его въ другую часть замка. Тамъ онъ открылъ потайной шкафъ и указалъ пальцемъ на пухлякъ, на половину чѣмъ-то наполненный.

— Твоя мать отравила меня. Ты король. Отомсти за меня.

Услышавъ это, молодой король спустился въ комнату, сдѣлавъ своего лучшаго коня и отправляясь въ путь темною ночью. Онъ поручаетъ одному изъ друзей сказать его невѣстѣ, что она больше не увидитъ его и что она должна поступить въ монастырь, и, окруженный орамами, онъ подымается на гору, гдѣ пьетъ воду изъ источника и питается дикорастущими ягодами. Тамъ опять является ему отецъ и второй и третій разъ закликаетъ его отомстить за него.

— Отецъ, воля ваша будетъ исполнена.

На заходѣ солнца онъ постучался у двери своего замка.

— Добрый вечер, моя мать, моя бѣдная мать.

— Добрый вечер, мой сынъ. Откуда явился ты? Я хочу знать.

— Я скажу вамъ за ужинномъ, скажу, когда мы будемъ одни. За столѣмъ Я голоденъ.

Они сѣли за столъ вдвоемъ.

— Выпейте за твое здоровье, — сказала мать.

— Вы хотите отравить меня. Я прощаю вамъ.

Но отецъ мой не прощаетъ васъ. Три раза возвращаясь онъ съ того свѣта и говорилъ мнѣ: «Твоя мать отравила меня; ты, король, отомсти за меня». Вчера я отвѣтилъ ему: «Отецъ, я исполню вашу волю». Мать, моя бѣдная мать, молитъ Бога, чтобы онъ сжалился надъ вашей душой. Взгляните на эту шляпу, смотрите хорошенько. Не успѣте прочесть «Отче нашъ», какъ я отрублю вамъ голову, если вы не выпьете яду, что приготовили мнѣ. Пейте, пейте до дна, моя мать, бѣдная мать.

Королева опорожнила стаканъ до дна. Пять минутъ спустя она была зелена, какъ трава.

— Простите меня, моя мать, бѣдная мать!

— Не прощай.

Королева упала подъ столъ. Она была мертва. Тогда король стаъ на колѣни и началъ молиться Богу. Потомъ тихо-тихо спустился въ конюшню, вскопалъ на своего коня и помчался вскачь темною ночью.

Его не видѣли больше никогда, никогда».

Приведенная сказка свидетельствуетъ, что Шекспиръ черпалъ мотивы своихъ вдохновеній и въ народныхъ преданіяхъ, такъ же какъ и въ письменныхъ памятникахъ. Возвращаясь къ книгѣ г. Махалова, мы должны признать ее работой интересной, хотя излоденію не повредило бы болѣе сжатости и рельефа. Какъ общую жалобу надо повторить сѣваніе на большое количество заимствованныхъ словъ, которыя можно было бы смѣло замѣнить русскими. Молодые писатели должны также избѣгать невозможныхъ оборотовъ и выраженій, какими часто уснащаютъ теперь свою рѣчь. На стр. 170 книги г. Махалова мы читаемъ, напр., о королѣ Клавдіи изъ «Гамлета», что онъ «распространилъ вокругъ себя атмосферу довольства», — фраза по-истинѣ удивительная и совершенно нарушающая серьезное настроеніе текста. В. Г.—но.

А. И. Свирскій. *Смертная казнь и другіе рассказы.* Спб. 1900. 8°. Ц. 1 руб.

Авторъ этого томика еще новичекъ въ литературу. Мнѣ рассказывали, что онъ изучалъ во-очію бытъ арестантовъ, рабочихъ, нищихъ и даже, притворившись безпаспортнымъ, былъ пере-

сылаемъ по стану. Свои впечатлѣнія онъ печаталъ ранѣе въ мелкой прессѣ, а затѣмъ издалъ отдѣльною книгой.

Наблюдательность и знаніе особаго подземнаго міра большаго города сквозитъ въ его симпатичныхъ разсказахъ, согрѣтыхъ искреннимъ сочувствіемъ къ подонкамъ и отбросамъ сытого общества. Автора нельзя еще назвать художникомъ, какъ еще не художникъ тотъ, кто рисуетъ съ натуры, ничего не прибавляя отъ себя. Но казнь лезгина въ Чарджувѣ («Смертная казнь»), связь молодого столера съ «разлучницей», которая оказалась женою солдата, связь, приведшая столера въ каторгу («По господски»), смерть спившагося рабочаго, котораго не приняли больше на заводъ («Забракованный») — изображенія этихъ тяжелыхъ, но незамѣтныхъ трагедій жизни, даютъ мнѣ право видѣть въ авторѣ не одного фотографа, но и начинающаго художника. Правда, художника безъ героевъ, но можетъ быть и въ этомъ невидѣломъ для насъ мірѣ безвольныхъ и сгорѣвшихъ людей онъ отыщетъ со временемъ признаки не одной кротости и безволия, но и возрожденія къ добру, но и волю, способную выздороветь отъ зараженія водкой и нищенствомъ. Въ этотъ симпатичный томикъ не слѣдовало бы включать разсказы «Съдой волость» и «Разбойники въ дождѣ», ни тош, ни содержаніе которыхъ не гармонируютъ съ остальными. Спб. Маг.

Л. М. Шахъ-Паронянцъ. *Критико-самобытный А. А. Григорьевъ.* Биографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Д. Михайловъ. *Аполлонъ Григорьевъ. Жизнь въ связи съ характеромъ литературной деятельности его.* Съ портретомъ. Спб. 1900. Ц. 30 к.

Довольно объемистая книжка г. Шахъ-Паронянца и небольшая брошюра г. Михайлова — вызваны исполненнымъ въ этомъ году 30-лѣтіемъ со дня смерти А. А. Григорьева. Обѣ они не представляютъ собой ничего оригинальнаго и не даютъ сколько-нибудь самостоятельной оцѣнки забытаго критика. Г. Михайловъ довольно живо, но коротко, сообщаетъ главнѣйшіе факты изъ жизни А. А. Григорьева и даетъ самую общую его характеристику. Г. Шахъ-Паронянцъ излагаетъ ту же биографію, но гораздо пространнѣе. Его книжка почти сплошь состоитъ изъ выписокъ, изъ систематически расположенныхъ отрывковъ воспоминаній какъ самого Григорьева, такъ и знавшихъ его лицъ. Онъ очень добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ и дѣйствительно собралъ все, что могъ, воспользовавшись даже письмами Григорьева, появившимися въ послѣднихъ (кроме XIII) томахъ извѣстнаго труда г. Барускова о Погодинѣ. Не ограничиваясь биографическимъ матеріаломъ, г. Шахъ-Паронянцъ выключилъ въ свою книгу критическіе отзывы о Григорьевѣ разныхъ лицъ, а также попытался, на основаніи сочиненій критика, характеризовать его отношеніе къ разнаго рода литературнымъ и общественнымъ вопросамъ. Благодаря всему этому, книжка получилась очень цѣнная, несмотря на то, что въ ней очень мало новаго. Хорошо уже и то, что А. А. Григорьеву посвящена пѣлая книга. Это первая и наиболѣе полная биографія, изъ которой непременно долженъ будетъ исходить всякій, кто пожелаетъ ознакомиться самостоятельно съ личностью и сочиненіями этого талантливаго и замѣчательнаго искреннаго критика. Г. Шахъ-Паронянцъ сдѣлалъ очень хорошее дѣло, попытавшись воскресить забытый образъ Григорьева. Быть можетъ, съ его легкой руки, возбудятъ вопросъ объ изданіи полнаго собранія сочиненій Григорьева, прерваннаго на первомъ томѣ. Динама.

G. G. Somerville. *The Retreat from Moscow and other poems.* Price 2/6. London. The Ideal Publishing Union.

Авторъ этихъ стихотвореній одушевленъ намѣреніемъ заклеить ужасы войны и вослѣтъ прелестіи мира. Но, къ сожалѣнію, его поэтической талантъ не оказался на высотѣ его задачи и его лучшей поэмой оказалась та, въ которой онъ воспѣваетъ бѣду на волосинѣдѣ:

Bar, lap, lap; lap, lap, lap, lap; Lap, lap, lap; say la! that chap In using all the records up!

Какъ всякій англичанинъ, онъ довольно свободно относится къ Россіи и къ ея географіи. Оттого Мало-Ярославцевъ превращается у него въ Yara-Yarowlavetz, Бородино въ Worodnow. Впрочемъ, и онъ написалъ два хорошихъ стиха, вложивъ въ уста Наполеону, бѣгущему изъ Россіи, такія слова: «Я заставлю крикливаго британскаго льва прыгнуть обратно въ воду, какъ спугнутую лягушку».

Очевидно, авторъ писалъ стихи для себя и друзей своихъ и было бы нескромностью съ нашей стороны говорить объ нихъ долѣе. S.

Josef Skultéty. *Puskin u Slovákov.* (Ос. Шкулѣтѣй, *Пушкинъ у словаковъ*), отд. отъ статьи изъ ж. Slovenské Pohl'ady, 1899, № 10.

Въ этой интересной брошюрѣ авторъ, выдающийся словацкій дѣятель и писатель, дѣлаетъ очеркъ постепеннаго ознакомленія словаковъ съ нашимъ гениальнымъ поэтомъ. Видно, что столѣтній юбилей Пушкина нашелъ себѣ живой откликъ у всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ и усилье уже обогатить и у нихъ литературу о Пушкинѣ. Рассказавъ, какъ возникъ и сталъ развиваться у словаковъ, этихъ — если мнѣ позволено такъ выразиться — «забываль» въ могучемъ

движеніи славянскаго національнаго возрожденія, интересъ къ Россіи и русской литературѣ вообще, г. Шкулѣтѣй изображаетъ, какъ мудро было проникнуть къ нимъ твореніямъ даже такого великана русской литературы, каковымъ сразу сталъ Пушкинъ. «Въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія едва-ли какой-нибудь словакъ видѣлъ пушкинскіе стихи въ подлинникѣ. Даже въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ въ 1823 г. не могъ добыть сочиненій Карамзина, а тамъ близко была библиотека сербскаго православнаго архіепископа... Но по смерти Пушкина, муза его становится болѣе известною и популярною, и у словаковъ Пушкина оплакиваетъ знаменитый Л. Штуръ; съ поэзіей его особенно знакомитъ словаковъ Карлъ Кузманъ, хотя и до него доходила лишь нѣкоторая произведенія нашего поэта — такъ не значительны были сношенія съ Россіей. Послѣ того имя Пушкина опять стало забываться у словаковъ, и преобладающимъ стало вліяніе польское. «Молодые словаки одушевлялись Мицкевичемъ и Чайковскимъ. Русской литературы и ея вліянія въ началѣ 40-хъ годовъ у насъ нѣтъ и признакъ. Совершенно случайно натолкнулся на Пушкина извѣстный словацкій поэтъ А. Сладковичъ, познакомившійся въ Галле съ Валуевымъ и Елагинымъ. Завязались этимъ путемъ сношенія съ Москвой: Сладковичъ добылъ всего Пушкина, поэзія котораго не могла конечно не оказать на него сильнаго вліянія.

Задавшись вопросомъ, почему не только Пушкинъ, но и его современники, корифеи русской литературы, такъ медленно проникали и усваивались у словаковъ и у другихъ западныхъ славянъ, авторъ отдаетъ справедливость мѣткому и остроумному объясненію этого явленія нашимъ почтеннымъ ученымъ славистомъ В. И. Ламанскимъ (въ биографіи И. И. Срезневскаго, М. 1890), указавшимъ на риторическо-морализующее и сентиментальное направленіе и обусловленную имъ манеру славянскихъ литературъ, въ началѣ нашего вѣка, вытѣсненныя у насъ послѣ Карамзина Пушкинымъ и Грибоедовымъ, но господствовавшія еще долго у западныхъ славянъ (отъ нихъ не освободился и самъ Мицкевичъ), — какъ на препятствіе къ пониманію и усвоенію послѣдними нашихъ литературныхъ сокровищъ. Но это вѣрное наблюденіе, по мнѣнію г. Шкулѣтѣя, требуетъ и дополненія. Важной помѣхой литературному сближенію служили и матеріальныя причины. «Какъ возможно было распространеніе Пушкина и Гоголя въ 40-хъ годахъ у западныхъ славянъ, когда вообще достать русскую книгу — было великой, часто непреодолимой трудностью?.. Польскую книгу добыть было легко — стоило только протянуть руку. Не удивительно, что въ пресбургской словенской школѣ Мицкевичъ сталъ господствовать. До сихъ поръ русскіе ничего не сдѣлали, чтобы облегчить заграничнымъ славянамъ покупку русскихъ книгъ... Нѣмцы же дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова несутъ къ намъ свою литературу... Едва ли можно отрицать значительную долю правды въ этомъ замѣчаніи.

Отмѣтивъ затѣмъ дальнѣйшіе моменты въ исторіи знакомства словаковъ съ Пушкинымъ и другими русскими классическими писателями, и сближенія съ Россіей, которые продолжали быть отрывочными и случайными, какъ и русская книга оставалась все столь же рѣдкою, авторъ констатируетъ, что «все переѣхало, когда Свѣтозаръ Гурбанъ поселился въ Турчанскомъ св. Мартинѣ. Сношенія съ русскими, интересующимися славянствомъ, ожили. Русская книга, бывшая доселѣ достояніемъ немногихъ избранныхъ, проникла въ широкіе круги. Значительная часть молодежи читаетъ по-русски, и редакціямъ стало легче съ русскими переводами. И имя Пушкина вновь зазвучало на Словацкѣ. Правда, русская литература въ эту эпоху сдѣлала великія завоеванія въ Западной Европѣ и удерживаетъ отвоєванную позицію; но у насъ политическое положеніе еще ухудшилось и изъ-за почтовыхъ порядковъ русская книга осталась такою же дорогою, какъ бывало... Много зависитъ отъ людей, отъ единичныхъ лицъ». «Остается пожелать, чтобы мы, русскіе, дѣйствительно пришли скорѣе на помощь западному славянину въ удовлетвореніи пробудившейся у него жажды русской книги.

и г.

М. Бородинъ. *Финляндія въ русской печати.* Матеріалы для библиографическаго указателя книгъ и статей о Финляндіи. Вып. I (А—Е). Спб. 1899.

Можно принять за общезвѣстную, не нуждающуюся въ доказательствѣхъ, истину, что одною изъ причинъ тѣхъ острыхъ отношеній, какія возникаютъ по временамъ между нами и нашими «окраинами», оказываются наше малое знакомство, а еще чаще — полное отсутствіе знакомства съ исторіей и современной намъ текущей жизнью этихъ окраинъ. Взглянувъ мало-по-малу, вслѣдствіе естественнаго органическаго роста своего, тѣ или другія окраинныя области въ свой государственный организмъ, мы, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваемся установленіемъ надъ данной окраиной нашей политической власти, а объ остальномъ вовсе не думаемъ и совершенно неосознательно, какъ показываетъ исторія, предполагаемъ, что политическое объединеніе само собою приведетъ мало-по-малу и къ объединенію культурному. Но именно этого-то послѣдствія и не ожидается. И въ значительной степени мы сами въ этомъ виноваты. Въ большинствѣ случаевъ мы такъ мало интересуемся бытомъ новоприсоединенной окраины, что не заботимся даже познако-

миться съ тѣми мѣстными узаконеніями, на основаніи которыхъ складывалась вся предшествовавшая ея жизнь.

Извѣстный писатель нашъ, Ив. Ив. Дмитріевъ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что, назначенный при императорѣ Павлѣ I оберъ-прокуроромъ 3-го департамента Сената, онъ почелъ своимъ долгомъ прежде всего ознакомиться съ тѣми законами, какими департаментъ этотъ руководствуется, и тогда оказалось вотъ что:

«Третій Сената департаментъ, кромѣ великороссійскихъ законовъ, руководствуется, по дѣламъ польскихъ губерній и Малороссіи, Литовскимъ статутомъ, Магдебургскимъ правомъ и разныхъ годовъ конституціямъ; остзейскихъ провинцій и Финляндіи — Шведскимъ земскимъ уложеніемъ; а по Курляндіи — особыми постановленіями, не помню подъ какимъ названіемъ. Изъ всѣхъ же оныхъ законовъ переведены были на русскій языкъ только Земское уложеніе, Литовскій статутъ и Магдебургское право; но переведены едва ли словесникомъ *), въ вѣрности никакъ не засвидѣтельствованы, переписаны дурнымъ почеркомъ, безъ правописанія, отъ долговременнаго и частаго употребленія затасканы и растрепаны. Прочія же хранились въ оригиналахъ. Но оберъ-секретари не могли ими пользоваться безъ пособія переводчика, ибо завѣдывавшій польскія дѣла не зналъ польскаго языка, а остзейскихъ провинцій и Курляндіи — ни нѣмецкаго, ни латискаго». («Взглядъ на мою жизнь», 136).

Что же мудренаго, что при подобныхъ условіяхъ у насъ возникали вслѣдствіи серьезнаго недоразумѣнія, одною изъ главныхъ причинъ которыхъ было полное незнакомство наше съ жизнью, законами и учрежденіями данной окраины.

Нельзя, поэтому, не привѣтствовать съ чувствомъ благодарности всякій добросовѣстный трудъ, поставившій себѣ цѣлью или ознакомить насъ съ своеобразными особенностями жизни и быта какой-либо окраинной области, или, по крайней мѣрѣ, указать намъ матеріалъ для такого знакомства.

Къ числу трудовъ этого втораго разряда принадлежатъ только-что появившійся подъ вышесказаннымъ выше заглавіемъ полная, по возможности, библиографія Финляндіи.

Составитель ея, г. Бородинъ, задумалъ ее въ чрезвычайно широкомъ размѣрѣ, включивъ въ свой указатель не только то, что относится непосредственно къ Финляндіи, но и все, что относится къ другимъ родственнымъ финляндцамъ финскимъ племенамъ. Поэтому мы находимъ въ первомъ выпускѣ его указателя и матеріалы для исторіи волжскихъ булгаръ, вогуловъ, воиговъ; а въ слѣдующихъ выпускахъ будутъ, очевидно, материалы и для исторіи другихъ финскихъ племенъ.

Расположенъ указатель по смѣшанной системѣ, т. е. представляетъ соединеніе въ одно цѣлое двухъ указателей: алфавитнаго и предметнаго. Это имѣетъ свои выгоды и свои невыгоды. Но такъ какъ у насъ нѣтъ никакой общепринятой библиографической системы, то всакому составителю ничего другого не остается, какъ располагать собранный имъ библиографическій матеріалъ такъ, такъ ему кажется удобнѣе.

Въ виду несомнѣнной пользы подобныхъ библиографическихъ указателей остается пожелать, чтобы исполненный составителемъ трудъ какъ можно скорѣе весь появился въ печати, и тогда у русскихъ читателей будетъ, наконецъ, въ рукахъ надежный руководитель въ такомъ животрепещущемъ вопросѣ, какъ поставленный въ настоящее время на очередь вопросъ объ отношеніяхъ къ Имперіи финляндской окраины.

Профессоръ Э. И. Пастернацкій. *Климатологическіе пункты на Черноморскомъ побережьи Кавказа.* Спб. 1899. Ц. 2 руб.

Черноморское побережье Кавказа давно считается золотымъ дномъ и центромъ лѣсныхъ и горныхъ богатствъ; въ послѣднее время оно вызвало серьезныя изслѣдованія и въ другихъ отношеніяхъ. Въ прошедшемъ 1898 году была предпринята, въ составѣ нѣсколькихъ врачей и климатологовъ, ученая экспедиція для изученія климатическихъ особенностей побережья и отысканія на немъ горно-климатическихъ станцій. Эта экспедиція удачно выполнила возложенное на нее порученіе. Одинъ изъ участниковъ ея, профессоръ Э. И. Пастернацкій, напечаталъ теперь интересный трудъ — «Климатологическіе пункты на Черноморскомъ побережьи Кавказа», являющийся результатомъ прошлогоднихъ экскурсій. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, довольно любопытны. Профессоръ Пастернацкій находитъ, что, начиная отъ Туане, со влеченіемъ его самого, побережье представляетъ настоящую область зимнихъ прибрежныхъ климатическихъ станцій, продолжающихся вплоть до Сухума. Во многихъ пунктахъ побережья прежде свѣриствовали прибрежныя лихорадки, но съ осушеніемъ болотъ (особенно при устьяхъ рѣки Псеуана) лихорадки въ послѣднее время на столько ослабли и уменьшились, что мѣстные жители считаютъ ихъ исчезнувшими. Въ климатическомъ отношеніи есть замѣчательные уголки: Учере, имѣющаго великаго князя Константина Константиновича, по лѣтнему и осеннему теплу превосходитъ Ниццу; въ Сочи перьдо въ декабрь вѣтвѣтъ розы и всюду видны дикорастущіе цвѣты. Тамъ можетъ возникнуть отличный курортъ для страдающихъ острыми грудными

* Т. е. не вѣрно, не точно и дурнымъ, мало понятнымъ языкомъ.